

РУССКИЕ СКАЗКИ
ДЛЯ
ДЕТЕЙ

1867

2-е изд.

E $\frac{62}{606}$

[66кн]

НЕ КОПИРОВАТЬ

152

E 62
606

262
606

РУССКІЯ СКАЗКИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Изданіе второе.

С.-Петербургъ.

Изданіе книгопродавца Н. Г. Овсянникова.

Въ Гостиномъ дворѣ, № 17.

1867.

Дозволено Цензурою. 25 Августа, 1866 г. С.-Петербургъ.

5677-0

2007066994

Въ типографіи В. Н. Майкова, въ д. Министерства Финансовъ,
на Дворцовой площади.

МУЖИКЪ, МЕДВѢДЬ И ЛИСА.

Жили были мужикъ съ медвѣдемъ въ большой дружбѣ. Разъ вздумали они сѣять рѣпу; посѣяли и начали уговариваться, кому что брать. Мужикъ сказалъ:

— Мнѣ корешокъ, тебѣ, Миша, вершокъ.

Выросла у нихъ рѣпа добрая; мужикъ взялъ себѣ корешки, а Миша—вершки. Видитъ Миша что ошибся, говоритъ мужику:—Ты, братъ, меня обманулъ; когда будемъ еще чтонибудь сѣять, ужь ты меня не проведешь.

На другой годъ. мужикъ опять говоритъ медвѣдю:

— Давай, Миша, сѣять пшеницу.

— Давай, говоритъ Миша.

Вотъ и посѣяли они пшеницу. Созрѣла пшеница добрая; мужикъ и говоритъ:

— Теперь ты что возьмешь, Миша? корешокъ или вершокъ?

— Нѣтъ, братъ, теперь ты меня не обманешь: подавай мнѣ корешокъ, а себѣ бери вершокъ.

Вотъ собрали они пшеницу и раздѣлили.

Мужикъ намолотилъ пшеницы и напекъ себѣ хлѣба, приходитъ къ Мишѣ и говоритъ:

— Вотъ, Миша, какая верхушка-то?

— Ну, мужикъ, говоритъ медвѣдь, я теперь на тебя сердить, съѣмъ тебя,—зачѣмъ ты меня все обманываешь.

Мужикъ отошелъ и заплакалъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, идетъ лиса и говоритъ мужику:

— Что ты плачешь?

— Какъ мнѣ не плакать, какъ мнѣ не тужить? меня медвѣдь хочетъ съѣсть.

— Не бойся, дядя, не съѣстъ!

Пошла сама въ кусты, а мужику велѣла стоять на томъ же мѣстѣ; потомъ вышла оттуда и спрашиваетъ:

— Мужичекъ, мужичекъ, нѣтъ ли здѣсь волковъ-бирюковъ, медвѣдевъ?

А медвѣдь подошолъ къ мужику и говоритъ:

— Ой, мужикъ, не сказывай, не буду тебя ѣсть.

Мужикъ говоритъ лисѣ:

— Нѣту!

Лиса засмѣялась и сказала:

— А у телеги-то что лежитъ?

Медвѣдь потихоньку говоритъ мужику: —
Скажи, что колода.

— Если-бы то колода, отвѣчаетъ лиса, — она
бы на телегѣ была увязана, — и сама убѣжала
опять въ кусты.

Медвѣдь сказалъ мужику:

— Свяжи меня и положи въ телегу.

Мужикъ такъ и сдѣлалъ. Вотъ, лиса опять
воротилась и спрашиваетъ мужика:

— Мужичекъ, мужичекъ, нѣтъ-ли у тебя тутъ
волковъ-бирюковъ, медвѣдевъ?

— Нѣту, сказалъ, мужикъ.

— А на телегѣ-то что лежитъ?

— Колода.

— Если бы то колода, въ нее бы топоръ
былъ воткнутъ.

Медвѣдь и говоритъ мужику потихоньку:

— Воткни въ меня топоръ.

Мужикъ воткнулъ ему въ спину топоръ, медвѣдь и издохъ.

Вотъ лиса и говоритъ мужику:

— Что теперь, мужичекъ, ты мнѣ за работу дашь?

— Дамъ тебѣ пару бѣлыхъ куръ, а ты неси не гляди.

Она взяла у мужика мѣшокъ и пошла; несетъ, несетъ и думаетъ: „дай, погляжу!“ глянула, а тамъ двѣ бѣлыя собаки. Собаки какъ выскочутъ изъ мѣшка-то, да за нею. Лиса отъ нихъ бѣжала, бѣжала, да подъ пенекъ, въ нору и ушла; сидитъ тамъ и говоритъ сама съ собою: — Что вы, ушки дѣлали? — мы все слушали. А вы, ножки, что дѣлали? — мы все бѣжали. А вы, глазки? — мы все глядѣли. А ты, хвостикъ? — я все мѣшаль тебѣ бѣжать! — А, ты все мѣшаль! постой же, я тебѣ дамъ! — и высунула хвостикъ собакамъ. Собаки за него ухватились, вытащили лису и разорвали.

КОЗЛЕНОЧЕКЪ.

Жили были себѣ старикъ со старухою: у нихъ были сынъ и дочь; сына звали Иванушкой, а дочь Аленушкой. Вотъ старикъ со старухой умерли; остались дѣти одни и пошли странствовать по бѣлому свѣту. Шли, шли, шли... идутъ и видятъ прудъ, а около пруда пасется стадо коровъ.

— Я хочу пить, говоритъ Иванушка.

— Не пей, братецъ, а то будешь теленочкомъ, говоритъ Аленушка.

Онъ послушался, и они пошли дальше; шли, шли, шли... и видятъ рѣку, а около ходитъ табунъ лошадей.

— Ахъ, сестрица, еслибъ ты знала, какъ мнѣ пить хочется, говоритъ Иванушка.

— Не пей, братецъ, а то сдѣлаешься жеребеночкомъ, отвѣчаетъ Аленушка.

Иванушка послушался, и они пошли дальше; шли, шли, шли... и видятъ озеро, а около него гуляетъ стадо овецъ.

— Ахъ, сестрица, мнѣ страшно пить хочется.

— Не пей, братецъ, а то будешь баранчикомъ.

Иванушка послушался и они пошли дальше: шли, шли, шли... и видятъ ручей, а возлѣ стадо свиней.

— Ахъ, сестрица, я напьюсь, мнѣ ужасно пить хочется.

— Не пей, братецъ, а то будешь поросеночкомъ.

Иванушка опять послушался, и они пошли дальше; шли, шли, шли... и видятъ: пасется у воды стадо козъ.

— Ахъ, сестрица, я напьюся.

— Не пей, братецъ, а то будешь козленочкомъ.

Онъ не вытерпѣлъ, не послушался сестры, напился водицы и сталъ козленочкомъ, — прыгаетъ передъ Аленушкой и кричитъ: мекеке! мекеке!

Аленушка обвязала его шелковымъ пояскомъ

и повела съ собою, а сама-то плачетъ, горько плачетъ... Шли, шли, шли они, только вдругъ къ нимъ на встрѣчу царь со своими слугами. Слуги царскіе, какъ увидали издали Аленушку съ козленочкомъ, тотчасъ и говорятъ царю:

— Ваше царское величество, бѣжитъ къ намъ на встрѣчу козленочекъ, а держитъ его на пояскѣ дѣвица, такая изъ себя красавица.

Царь приказалъ спросить, кто она такая. Вотъ слуги царскіе и спрашиваютъ ее, откуда она и чьего рода-племени?

— Жили-были, говоритъ Аленушка, старикъ со старухой, мой отецъ съ матушкой, жили-были, да и умерли; остались мы—дѣти, я—Аленушка, да вотъ братецъ мой, Иванушка; онъ не утерпѣлъ, напился водицы и сталъ козленочкомъ.

Слуги доложили все это царю. Царь позвалъ Аленушку, распросилъ обо всемъ: она ему приглянулась, онъ на ней и женился. Скоро сдѣлали свадьбу, и стали жить себѣ: и козленочекъ съ ними,—гуляетъ себѣ по саду, а пьетъ и ѣстъ съ царемъ и царицею.

Вотъ поѣхалъ царь на охоту. Тѣмъ временемъ пришла колдунья и навела на царицу порчу: сдѣлалась Аленушка больная, худая да блѣдная. На царскомъ дворѣ все пріуныло, цвѣты въ саду вянуть, деревья сохнутъ, травы блекнутъ. Царь возвратился и спрашиваетъ царицу: Что съ тобой сдѣлалось?

— Да, хвораю, говоритъ царица.

На другой день царь опять поѣхалъ на охоту. Аленушка лежитъ больная; приходитъ къ ней колдунья и говоритъ:

— Хочешь, я тебя вылечу? выходи къ морю-окіану и пей тамъ воду.

Царица послушалась; какъ пришли сумерки, пошла къ морю: а колдунья ужъ дожидается, схватила ее, навязала на шею камень и бросила въ море.

Аленушка пошла на дно; козленочекъ прибѣжалъ и горько, горько заплакалъ.

А колдунья обратилась царицею и пошла во дворецъ. Царь пріѣхалъ и обрадовался, что царица опять стала здорова. Накрыли столъ и стали обѣдать.

— А гдѣ же козленочекъ? спрашиваетъ царь.

— Не надо его, говоритъ колдунья,—я не велѣла пускать: отъ него дурно пахнетъ.

На другой день, только царь уѣхалъ на охоту, колдунья козленочка бить принялась: била, била, колотила, колотила, и грозитъ ему:—Вотъ воротится царь, я попрошу тебя зарѣзать!

Пріѣхалъ царь; колдунья такъ и пристаётъ къ нему:—Прикажи зарѣзать козленочка, онъ мнѣ надоѣлъ, опротивѣлъ совсѣмъ.

Царю жалко было козленочка, да дѣлать нечего, она такъ пристаётъ, такъ упрашиваетъ, что царь наконецъ согласился и позволилъ его зарѣзать. Видитъ козленочекъ, ужъ начали точить на него ножи булатные; заплакалъ онъ, побѣжалъ къ морю-окияну и просится:

— Аленушка, сестрица моя!

Выплывь, выплывь на бережокъ.

Огни горятъ горючіе,

Котлы кипятъ кипучіе,

Ножи точатъ булатные,

Хотятъ меня зарѣзати.

Она ему отвѣчаетъ:

— Иванушка-братецъ!

Тяжолъ камень ко дну тянетъ,

Люта змѣя сердце высосала.

Козленочекъ заплакалъ и воротился назадъ.

Посреди дня опять просится онъ у царя:

— Царь, пусти меня на море сходить, водицы испить, кишечки всполоскать.

Царь пустилъ его. Вотъ козленочекъ прибѣжалъ къ морю и кричитъ жалобнымъ голосомъ:

— Аленушка, сестрица моя!

Выплынь, выплынь на бережокъ.

Огни горять горючіе,

Котлы кипятъ кипучіе,

Ножи точатъ булатные,

Хотятъ меня зарѣзати!

Она ему отвѣчаетъ:

— Иванушка-братецъ!

Тяжелъ камень ко дну тянетъ,

Люта змѣя сердце высосала!

Козленочекъ заплакалъ и воротился домой.

Царь и думаетъ: что бы это значило, что

козленочекъ все бѣгаетъ на море? Вотъ попросился козленочекъ въ третій разъ:—Царь, пусти меня на море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать.

Царь отпустилъ его и самъ пошелъ за нимъ слѣдомъ; приходитъ къ морю и слышитъ, козленочекъ вызываетъ сестрицу:

— Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережокъ.
Огни горять горючіе,
Котлы кипятъ кипучіе,
Ножи точатъ булатные,
Хотятъ меня зарѣзати.

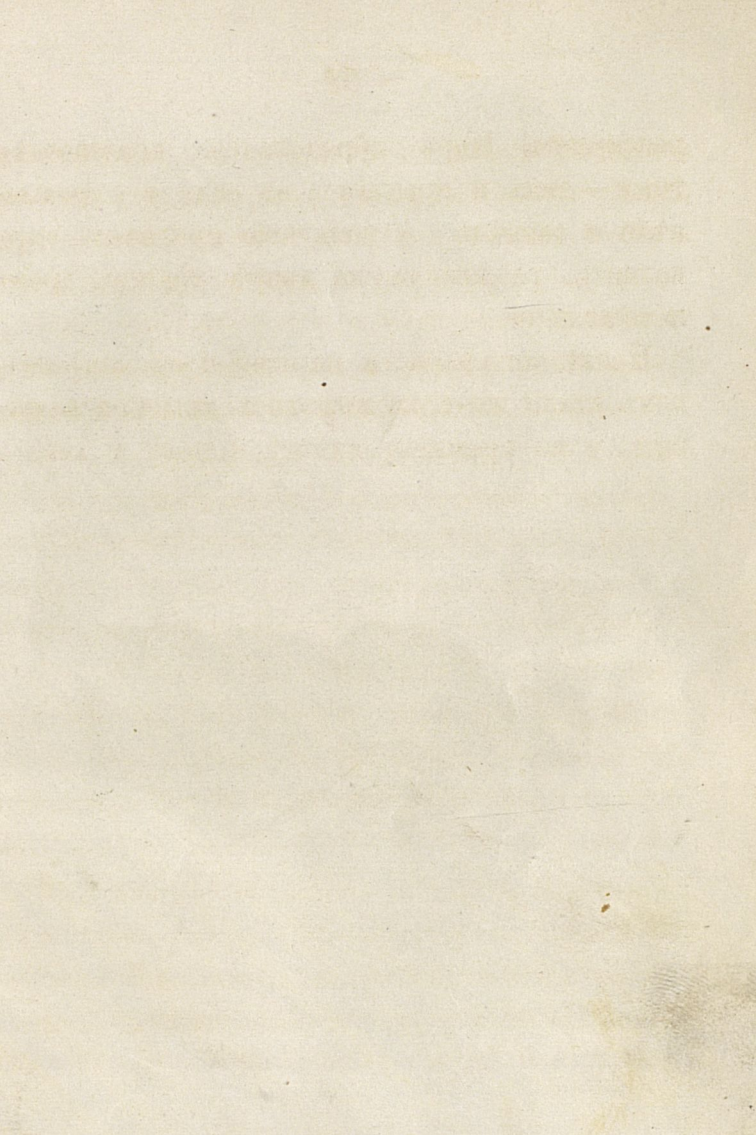
Она ему отвѣчаетъ:

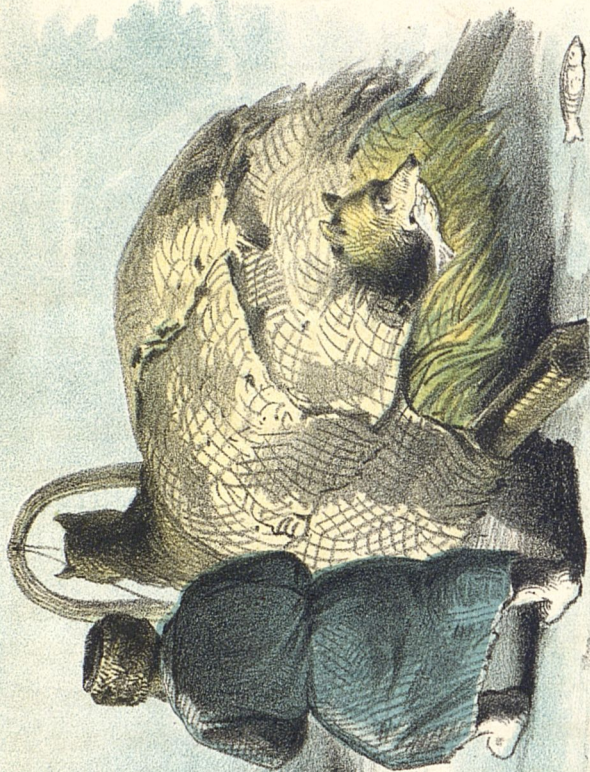
— Иванушка-братецъ!
Тяжелъ камень ко дну тянетъ,
Люта змѣя сердце высосала.

Козленочекъ опять началъ вызывать сестрицу. Аленушка всплыла къ-верху и показалась надъ водою. Царь ухватилъ ее, сорвалъ съ шеи камень, вытащилъ Аленушку на берегъ, да и спрашиваетъ: какъ это случилось? Она все ему

разсказала. Царь обрадовался, козленочекъ тоже — такъ и прыгаетъ; въ саду все зазеленѣло и зацвѣло. А колдунью приказалъ царь казнить, разложили на дворѣ костеръ дровъ и сожгли ее.

Послѣ того царь съ царицей и съ козленочкомъ стали жить да поживать, да добра наживать, и по прежнему вмѣстѣ и пили и ѣли.

ЛИСА ПАТРИКЪЕВНА.

Сговорилась Лиса-Патрикѣевна съ кумомъ волкомъ подружески жить, что добудуть по поламъ дѣлить.

Стянетъ волкъ гдѣ барашка или теленочка, выбѣжить на горку — кума, иди! — закричить — и кума передъ нимъ словно изъ земли вырастетъ.

— Ужь какой ты, кумъ, ловкій да какой ты, кумъ, сильный, и добрѣе-то тебя звѣря на свѣтѣ не съищется, начнетъ Лиса-Патрикѣевна выхвалять волка. — Ужь кабы мнѣ твою силу, да ловкость, да смѣлость — я бы тебя, куманекъ ты мой милый, за одну зиму жирнѣе свиньи откормила. А то что я теперь? дѣло мое женское, слабое, птица нынче стала такая все бойкая, непокорная, даже куры ужъ противъ меня огрызаться начали, а съ гусемъ или съ индѣй-

скимъ пѣтухомъ лучше и не связывайся; заклюютъ, защиплютъ, да еще и на смѣхъ поднимутъ. Ужъ подлинно сказать, не будь тебя, куманекъ: давно бы съ голоду околѣла! Мнѣ, признаться, и совѣстно ужъ становится все твою хлѣбъ-соль ѣсть, а самой ни разу тебя не подчивать, да ужъ нечего дѣлать, попрошу до весны, до цыплятъ, подождать.

Такъ увѣщала Лиса-Патрикѣевна кума волка, когда тотъ приглашалъ ее покушать своей добычи, сама же ни чѣмъ не дѣлилась; а слухи носились, что не было ночи, когда бы лиса не очистила чьего нибудь курятника.

Дошли эти слухи и до кума. Тотъ началъ лису подозрѣвать въ лукавствѣ, поприсматривать за ней, и почаще къ ней въ нору понавѣдываться.

Разъ какъ-то мужичекъ изъ деревни выѣхалъ на рѣчку половить рыбки. Удача была хорошая: что не закинетъ блесенку, то или окунь золотой, полосатенькій, или лещикъ пузатый, или щучка зубастенькая.

Какъ эта рыбка прыгала на льду, замерзая кочерилась; какъ мужичекъ поклатъ рыбку въ сани; какъ онъ поѣхалъ путемъ дорогой во свояси—все это видѣла Лиса-Патрикѣвна изъ лѣсу, сидючи на високомъ деревѣ.

Больно захотѣлось лисынкѣ этой рыбки покушать. Переметнула она въ умѣ, соскочила съ дерева, забѣжала впереди мужичка и растянулась поперегъ дороги, прикинувшись мертвой.

Мужичекъ ѣдетъ себѣ потихоньку, лошадку понукаетъ, да кнутикомъ помахиваетъ. Вдругъ видитъ — посреди дороги лисица лежитъ. Остановилъ онъ лошадку, поднялъ лису, потрепалъ, погладилъ — шерсть пушистая, а лиса мертвая.

„Вотъ, думаетъ, находка-то нечаянная! шкурку сдеру — на базарѣ продамъ, а на деньги женѣ сарафанъ сошью, да ребятишкамъ пряниковъ накуплю.“

Положилъ мужичекъ лису въ сани, вмѣстѣ съ рыбой, да рогожей покрылъ, а самъ не сѣлъ на возъ, а подлѣ лошадки пошелъ.

Идетъ — пѣсни попѣваетъ на радостяхъ, кну-

тикомъ по снѣгу похлестываетъ, да смѣкаетъ въ умѣ, какъ бы подороже лисью шкурку продать, да кромѣ сарафана и пряниковъ, себѣ шапку купить.

А лиса, какъ замѣтила, что мужичекъ не смотритъ за ней — и давай въ саняхъ дырку прогрызать. Прогрызла дыру пребоольшую: рыбку вытаскала — сама выскочила; мужичекъ ѣдетъ въ городъ — а лиса рыбку въ нору таскаетъ.

Только-что успѣла она перетаскать рыбку, сѣсть подъ окошечко, да у лещика головку отъѣсть — смотритъ, кумъ къ ней въ гости идетъ.

— Здравствуй, кумушка! вотъ какъ ты нынча поживаешь: рыбку покушиваешь, а меня не поподчуешь.

— Ахъ, куманекъ ты мой милый! затараторила Лиса-Патрикѣвна; — только что съ ловли пришла, о первомъ о тебѣ вспомнила, хотѣла было пойти попросить тебя въ гости, да замаялась больно, сѣла вотъ отдохнуть, червячка заморить. Отведу, молъ, душу маленько, да сейчасъ и за тобой сбѣгаю. Присядь, куманекъ, да

покушай хоть щучки, да смотри осторожнѣе, а то косточкой подавишься.

Кумъ сѣлъ, началъ ѣсть, ѣсть да и спрашиваетъ: „гдѣ это, кума, удалось тебѣ такимъ кушаньемъ поживиться?“

На рѣчку ходила, сама наловила — хочешь тебя научу?

Волкъ согласился и они, дождавшись ночи, отправились на охоту.

Лиса привела волка къ прорубкѣ, посадила его на самый край, а хвостъ въ воду опустить велѣла.

— Ты вотъ такъ посиди, куманекъ, подольше, такъ видимо-невидимо къ тебѣ на хвостъ всякой рыбы намерзнеть.

Волкъ сидитъ, а Лиса-Патрикѣевна ходитъ вокругъ прорубки да приговариваетъ: Ясни, ясни на небѣ, мерзни, мерзни волчій хвостъ.

— Ты что тамъ, кума, приговариваешь? спросилъ волкъ.

— Я говорю: ясни, ясни на небѣ, липни рыбка къ волчьему хвосту.

Волкъ соскучился сидѣть, захотѣлъ привстать, а хвостъ-то примерзъ, не пускаетъ.

— Что-то ужъ очень тяжело, кума, — сказалъ онъ: — не пора ли вытаскивать? чай, ужъ много налипло рыбы-то.

— Нѣтъ, куманекъ, еще рано. Посиди еще немножко — пусть ужъ съ-разу по больше налипнетъ — отвѣтитъ Лиса-Патрикѣевна, и сама опять начнетъ ходить да приговаривать: ясни, ясни на небѣ, мерзни, мерзни волчій хвостъ!

И досидѣлъ кумъ — когда ужъ свѣтатъ начало; бабы изъ деревни пришли за водой къ прорубкѣ, увидѣли волка и давай его коромыслами бить.

Волкъ вертѣлся, вертѣлся, никакъ не могъ вытащить хвоста изъ прорубки: примерзъ очень. Рванулся посильнѣе да и оторвалъ его, да такъ безъ хвоста и ушелъ.

Подбѣгаетъ волкъ къ лѣсу — видитъ лиса по снѣгу валяется, стонетъ да охаетъ.

— Что ты, кума?

— Охъ, куманекъ ты мой милый! Натерпѣ-

лась я за тебя страху-то; съ полчаса въ обморокъ пролежала. Что, думаю, надѣлала я, несчастная? Ну, какъ да онѣ убьютъ его, голубчика — что я тогда буду дѣлать одна?

Волкъ повѣрилъ, что кума отъ чистаго сердца такъ убивается, сжалился надъ нею, положилъ на спину и понесъ на себѣ.

Несетъ онѣ лису, а она лежитъ да приговариваетъ: битый небитаго несетъ; битый небитаго несетъ.

— Что ты тамъ, кума, говоришь? спросилъ волкъ.

— Охъ, ужъ я и сама не знаю, что брежу. Голова такъ кругомъ и ходитъ, и въ глазахъ туманится.

Такъ и донесъ волкъ лису до норы, положилъ на постель, а самъ побѣжалъ къ знакомому шубнику просить, чтобы хвостъ новый пришилъ: совѣстно было безъ хвоста-то ходить по лѣсу, смѣяться всѣ будутъ.

Черезъ нѣсколько времени, слышала Лиса-Патрикѣвна, что сосѣдъ медвѣдь чей-то пчель-

никъ ограбилъ; все, что тамъ было, поѣлъ, а одну кадку меду про запасъ оставилъ; на весну жениться собирался, такъ невѣсту полакомить хотѣлъ.

Однимъ утромъ, медвѣдь только что глаза успѣлъ продрать — лежитъ да съ боку на бокъ поворачивается, сны на память приводитъ да разгадываетъ, вдругъ слышитъ кто-то стукнулъ въ дверь. Отворилъ — лиса.

— Съ добрымъ утромъ, Михайло Ивановичъ! — поздравила Лиса-Патрикѣевна.

— Добро пожаловать, милая сосѣдѣшка, привѣтилъ Михайло Ивановичъ. — Что такъ раненько пришла? видно дѣльцо какое случилось?

— Просьбица есть у меня до васъ всепокорнѣйшая, — заговорила Лиса-Патрикѣевна, а сама залилась слезами. — Житья мнѣ на свѣтѣ не стало, сиротинушкѣ. Обижаютъ меня, беззащитную, всякіе звѣри. Пусть бы ужъ крупные, а то мелочь-то всякая покою не даетъ. На что зайцы — и тѣ надо мной потѣшаются. Вчера приходятъ ко мнѣ два зайца — пьянымъ

пьянехоньки еле на ногахъ стоятъ — нашу-мѣли, набуянили и изъ дому вонъ выгнали. Плакала, плакала да и придумала: пойду, молъ, я къ доброму сосѣдушкѣ милости просить. Квартира у него большая, такъ не пустить ли въ уголокъ зиму дозимовать. А я бы ему прислуживать стала, одежоньку чинить, или на посылкахъ бѣгать.

Мишенька обрадовался, что даровую прислугу нашелъ и пригласилъ лису переѣхать.

— Только не будетъ ли вамъ безпокойно со мной? спросила лиса: — я вѣдь по здѣшнему лѣсу лекаркой состою, такъ по ночамъ часто приходятъ за мною, — стучаться будутъ.

— Это ничего, отвѣтилъ медвѣдь — если ночью помѣшаютъ, такъ я и днемъ выплюсь.

Въ тотъ же день переѣхала лиса къ медвѣдю.

Ночью лиса легла спать на лавочку, а хвостъ опустила подъ лавочку. Полежала, полежала да и давай хвостомъ бить, будто кто со двора стучится.

— Кто тамъ? спросила она.

— Здѣсь лекарка живетъ? пропищала сама же, только не своимъ голосомъ.

— Здѣсь! сейчасъ выйду.

Вскочила и ушла.

Медвѣдь слышалъ все это и думалъ, что въ самомъ дѣлѣ къ больному пошла, а она прямо туда, гдѣ спрятанъ былъ медъ, Подсѣла къ кадкѣ и давай лакомиться.

Передъ свѣтомъ, когда возвратилась лиса, медвѣдь спросилъ ее: ну, что, лисинька, какъ леченье твое идетъ?

— Хорошо; еще въ началѣ только, отвѣтила она.

Выходило такъ, что медвѣдь спрашивалъ про больного, а лиса отвѣчала про медъ.

На другую ночь лиса опять также сдѣлала.

— Ну, что, лисинька, какъ леченье идетъ? спросилъ медвѣдь, когда возвратилась лиса.

— Хорошо, до половины дошло.

На третью ночь лиса опять изъ дому уходила.

— Ну, что, лисинька, какъ леченье идетъ? спро-

силъ опять медвѣдь.

— Очень хорошо, покончила все, отвѣтила лиса.

Вскорѣ медвѣдю захотѣлось посмотрѣть, цѣлъ ли у него медъ. Заглянулъ онъ въ кадку — а тамъ и донышко видно.

— Эге! подумалъ Мишенька: — это, видно, лисьины штуки. Постой-ка, я допрошу.

Возвратился онъ въ берлогу. — Лиса-Патрикѣевна сидитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и чулки медвѣдю штопаетъ.

— Это тебѣ и не стыдно, лисинька, медокъ-то весь скушать? сказалъ ей медвѣдь.

— Про какой это вы медокъ говорите, Михайло Ивановичъ? Я и знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю, — начала оправдываться лиса.

Медвѣдь взялъ ее за лапу, подвелъ къ ямѣ, гдѣ спрятанъ былъ медъ, и указалъ на пустую кадку.

— А вотъ это чьи дѣла? спросилъ онъ лису: — У меня въ домѣ, кромѣ тебя, никто не живетъ, стало и некому съѣсть.

— Можетъ вы сами изволили скушать, Михайло Иванычъ, когда нибудь во хмѣлю пришедши, да и заспали, извернулась лиса: — А мнѣ какъ это сдѣлать, когда я и не знала, что у васъ медъ есть? Впрочемъ, вѣдь ужъ это такое дѣло, что укрыться не можетъ ни какъ. Вѣдь сейчасъ узнать можно, кто поѣлъ медъ.

— А какъ же это узнать?

— А вотъ какъ: затопимъ печку пожарче, да и ляжемъ передъ огнемъ. Какъ только жаромъ начнетъ пропекать — медъ и будетъ топиться изъ шкуры наружу.

Медвѣдь согласился попробовать. Натаскалъ изъ лѣсу дровъ цѣлый ворохъ, затопилъ печь и улегся съ лисой передъ огнемъ. Какъ только начало его пригрѣвать — онъ и захрапѣлъ.

Лисѣ только того и надо было. Тотчасъ побѣжала она къ кадкѣ, соскребла со дна послѣдышки да и вымазала медомъ-то всего медвѣдя.

— Вставай, Михайло Ивановичъ! будила она его, когда кончила дѣло — теперь ужъ пора узнавать, кто съѣлъ медъ.

Медвѣдь всталъ, лизнулъ съ просонья, лису — не сладко: значить не ѣла; лизнулъ себя — что за диковинка! точно во соту языкъ опустилъ. „Когда же это я съѣлъ? сталъ думать онъ: — Правда, хоть мнѣ и частенько случалось домой подъ хмѣлькомъ приходить, однако помню, что меду не трогалъ. Развѣ вотъ прошлый разъ, когда съ имянинъ отъ сосѣда подъ руки привели — да и тогда кажется не трогалъ, а прямо спать повалился.“

Пока медвѣдь размышлялъ, сидя надъ кадкой — лиса побѣжала въ берлогу, собрала наскоро свои пожитки, расплакалась и стала прощаться.

„Прощайте, Михайло Иванычъ! завопила она, обливаясь слезами: — Крѣпко обидѣли вы меня, горемычную, что, не разобравши дѣла, клепать начали. Не хочу у васъ ни минуты оставаться послѣ того. Лучше ужъ буду мытарствовать по темному лѣсу, гдѣ день, а гдѣ ночь, чѣмъ такое оскорбленіе терпѣть.“

Мишенька подумалъ, что въ самомъ дѣлѣ по

напрасну обидѣль лису, началъ прощенья просить, уговаривать, чтобы осталась, но та и слушать не захотѣла — ушла.

Да и зачѣмъ ужъ ей было оставаться: медъ съѣденъ, а другаго ничего у медвѣдя въ запасѣ не было, потому что онъ всю зиму только свою лапу сосетъ, да тѣмъ и питается.

Идетъ лиса по лѣсу, а хвостъ несетъ по вѣтру, — вдругъ слышитъ что-то жаренымъ за пахло.

— Вѣрно охотники ходили, да кусочекъ обрונים, — подумала лиса, побѣжала на запахъ да и попалась въ капканъ.

Испугалась Лиса-Патрикѣевна не на шутку. Начала 'голосить, куманьевъ на помощь сзывать — анъ глядь, вмѣсто кума мужичекъ къ ней идетъ, тотъ самый, у котораго она рыбу изъ воза повытаскала.

Лиса Патрикѣевна начала метаться во всѣ стороны, улещать мужичка да пощады просить, но мужичокъ не сжалился, перерѣзалъ ей ножомъ горлышко и шкурку содралъ, да понесъ на базаръ продавать.

Послѣ набѣжалъ на лису волкъ, увидѣлъ что кума безъ шубки лежитъ — поплакалъ, поту-жилъ, да и скушалъ куму.

А медвѣдь и теперь еще все голову ломаетъ, да не можетъ припомнить, когда съѣлъ онъ свой медъ?

ТРИ ЗЯТЯ.

Жили-были старикъ со старухой, и было у нихъ три дочери — всѣ три писанья красавицы.

Поѣхалъ старикъ весной поле вспахать. Небо все въ тучахъ; солнышка нѣту. Стало старика холодомъ прохватывать.

— Эхъ, говорить: — кабы солнышко! Старшую бы дочь за него замужъ отдалъ, только бы погрѣло.

Тутъ какъ тутъ и старшая дочь идетъ: несетъ отцу обѣдъ.

Солнышко и выглянуло.

— Ну, говорить старикъ: — сосваталъ я тебя, дочка, за солнышко. Живи ты съ нимъ въ миру да въ ладу; насъ не забывай!

Дочь говорить:

— Спасибо, тятенька.

Зять говорить:

— Къ намъ въ гости милости просимъ!

Какъ воротился старикъ домой, спрашиваетъ его жена:

— А дочь гдѣ?

— Замужъ отдалъ.

— За кого?

— За солнышко.

— И слава Богу!

Немного времени спустя, поѣхалъ старикъ въ лѣсъ — дрова рубить. Позамѣшкался въ лѣсу; глядь — ужъ и ночь; да темень такая, что топора въ рукахъ не видать.

— Эхъ, говорить: — кабы мѣсяцъ! Среднюю бы дочь за него замужъ отдалъ, только бы посвѣтилъ.

Мѣсяцъ и выглянулъ.

Тутъ какъ тутъ и средняя дочь идетъ: грибовъ искала, да дорогу потеряла.

— Ну, говорить старикъ: — сосваталъ я тебя,

дочка, за мѣсяца. Живи ты съ нимъ въ миру да въ ладу, насъ не забывай!

Дочь говоритъ:

— Спасибо, тятенька.

Зять говоритъ:

— Къ намъ въ гости милости просимъ.

Какъ воротился старикъ домой, спрашиваетъ его жена:

— А дочь гдѣ?

— Замужъ отдалъ.

— За кого?

— За мѣсяца.

— И слава Богу!

Подошли Петровки; поѣхалъ старикъ сѣно косить. На небѣ ни тучки; жаръ такой, что коса изъ рукъ валится; потъ съ лица градомъ.

— Эхъ, говоритъ: — кабы вѣтеръ! Младшую бы дочь за него замужъ отдалъ, только бы холодкомъ пахнулъ.

Вѣтеръ и подулъ.

Тутъ какъ тутъ и младшая дочь идетъ: отцу завтракъ несетъ.

— Ну, говорить: — сосваталь я тебя, дочка за вѣтра. Живи ты съ нимъ въ миру да въ ладу; насъ не забывай!

Дочь говорить: —

— Спасибо, тятенька!

Зять говорить: —

— Къ намъ въ гости милости просимъ!

Какъ воротился старикъ домой, спрашиваетъ его жена:

— А дочь гдѣ?

— Замужъ отдалъ.

— За кого?

— За вѣтра.

— И слава Богу!

И стали старикъ со старухой жить вдвоемъ. Недѣли не прошло, соскучился старикъ по старшей дочери.

— Дай, говорить: — пойду, провѣдаю, какъ она съ мужемъ живетъ.

Вышелъ изъ дому за-свѣтло; а какъ пришелъ къ зятю, совсѣмъ смерклося; солнышко съ женой ужъ и спать улеглись на сѣновалѣ.

Поднялись они отца встрѣтить.

— Ну, жена, говоритъ солнышко: — надо намъ тятеньку угостить. Затѣвайка блины!

— Что ты? говоритъ жена: — стану я ночью печь разводить!

— Тѣста только замѣси, говоритъ солнышко: — а печи разводить не нужно.

Сдѣлала она тѣсто: а солнышко и говоритъ: — Лей мнѣ на голову!

Жена налила; блинъ и испекся.

Какъ погостилъ старикъ у зятя, да пришелъ опять домой, кричитъ старухѣ:

— Эй, старуха! затѣвай блины!

— Что ты, съ ума, знать, сошелъ? говоритъ жена: — ночью да печку топить!

— Не надо печки топить! Мѣси знай, тѣсто! Замѣсила старуха тѣсто. Подставилъ ей старикъ голову.

— Лей, говоритъ: — мнѣ на лысину!

Налила ему старуха, залѣпила старику и глаза, и уши, и носъ, и ротъ.

Три дня старикъ въ банѣ отмывался.

Еще недѣля прошла, соскучился онъ по средней дочери.

— Дай, говоритъ: — пойду, провѣдаю, какъ она съ мужемъ живетъ.

Вышелъ изъ дому за-свѣтло; а какъ пришелъ къ зятю, совсѣмъ смерклося: мѣсяцъ съ женой ужъ и спать улеглись на подволокъ.

Поднялись они отца встрѣтить.

— Ну, жена, говоритъ мѣсяцъ: — надо намъ тятеньку угостить. Ступайка-ка принеси медку!

— Что ты? говоритъ жена: — да какъ я въ потемкахъ-то въ погребъ пойду?

— Ничего, говоритъ мѣсяцъ: — иди, знай! темно не будетъ.

Пошла она въ погребъ; а мѣсяцъ только палецъ надъ твориломъ подержалъ — всѣ углы освѣтилъ.

Какъ погостилъ старикъ у зятя, да пришелъ опять домой, кричитъ женѣ:

— Эй, старуха! Давай-ка меду!

— Что ты? али рехнулся? говоритъ старуха: — ночью да въ погребъ лѣзть!

— Ничего, говоритъ старикъ: — я тебѣ по-свѣчу.

Полѣзла старуха въ погребъ, а онъ надъ твориломъ палецъ держитъ.

Слетѣла въ-потьмахъ старуха съ лѣстницы, глазъ себѣ выколола.

Еще недѣля прошла, соскучился старикъ по младшей дочери.

— Дай, говоритъ: — пойду, провѣдаю, какъ она съ мужемъ живетъ.

Къ младшей дочери поспѣшилъ за-свѣтло.

Угостила она съ мужемъ чѣмъ Богъ послалъ. Погостилъ старикъ, сталъ прощаться.

Тутъ и говоритъ женѣ вѣтеръ:

— Жарко, жена, въ избѣ; пойдѣмъ на воду сидѣть.

— Что ты? говоритъ жена: — да вѣдь утонѣмъ.

— Не утонѣмъ, говоритъ вѣтеръ: — бери, знай, шубу!

Взяла жена шубу, пришли они къ рѣкѣ, ки-нуль вѣтеръ шубу на воду.

— Прыгай! говоритъ женѣ.

Прыгнули они оба разомъ на шубу, вѣтеръ подулъ, и поплыла съ ними шуба, что твоя лодка.

Какъ пришелъ старикъ домой, кричитъ женѣ:
— Эй, жена! жарко въ избѣ; пойдѣмъ на воду сидѣть.

— Что ты? говоритъ старуха: — али изъ послѣдняго умишка совсѣмъ выжилъ? Утонуть захотѣлъ!

— Не бойсь! говоритъ старикъ: — не утонемъ; бери только шубу съ собой!

Взяла старуха шубу, пошли они, и пришли къ рѣкѣ.

— Кидай, говоритъ, старикъ:—шубу на воду! Кинула старуха.

— Ну, давай теперь мнѣ руку, говоритъ старикъ: — прыгай со мной на шубу. То-то будетъ сидѣть мягко да прохладно.

Прыгнули они оба разомъ, и пошла съ ними шуба ко дну. Только ихъ и видѣли.

КОТЪ И ПѢТУШОКЪ.

Жили-были котъ съ пѣтушкомъ, жили ладно, дружно, одному безъ другаго ѣда не ѣда, радость не радость. Пѣтушокъ кота, какъ отца, почиталъ; котъ пѣтушка, словно сына любилъ.

Пошелъ однажды котъ на охоту и говоритъ пѣтушку:

— Смотри ты, пѣтушокъ! въ окошко не выглядывай, головки не высовывай: поселилась тутъ въ лѣсу лиса-куратница — какъ разъ утащить.

Только ушелъ котъ, а лиса и тутъ: спровѣдала, что старшова дома нѣтъ. Стала подь окошко, да и говоритъ тоненькимъ голоскомъ, ласково такъ:

— Пѣтушокъ, пѣтушокъ, золотой гребешокъ,

масляна головка, сметанный лобокъ! выгляни въ окошко, дамъ тебѣ кашки на красной ложкѣ!

„Кто это“, думаетъ пѣтушокъ: „меня такъ ласково зоветъ? Дай-ка посмотрю.

Забылъ совсѣмъ, что ему котъ говорилъ, и выглянулъ въ окошко.

А лиса только того и ждала, схватила пѣтушка и потащила къ себѣ.

Сталъ пѣтушокъ громко кликать:

— Котинька! котокъ! несетъ меня лиса во дремучіе лѣса, за широкіе дѣлы, за высокія горы, за быстрыя рѣки.

Услыхалъ котъ, побѣжалъ къ пѣтушку на выручку. Отнялъ его у лисы.

— Эхъ, говоритъ: — не послушался ты меня, пѣтушокъ... быть бы тебѣ лисой съѣдену, кабы я подальше зашелъ да тебя не услыхалъ.

Немного спустя, собрался котъ опять изъ дому, опять говорить пѣтушку:

— Смотри ты, пѣтушокъ! въ окошко не выглядывай, головки не высывай. Того и гляди опять лиса утащить.

Какъ ушелъ котъ, лиса опять къ пѣтушку. Стала подь окошкомъ и говоритъ:

— Пѣтушокъ, пѣтушокъ, золотой гребешокъ, масляна головка, сметанный лобокъ! пойдѣмъ на гуменце золотыя яблочки катать.

Польстился пѣтушокъ на золотыя яблочки, забылъ совсѣмъ, что ему котъ говорилъ, выглянулъ въ окошко.

Схватила его лиса и потащила къ себѣ.

Сталъ пѣтушокъ громко кликать:

— Котинька! котикъ! несетъ меня лиса во дремучіе лѣса, за широкіе доли, за высокія горы, за быстрыя рѣки.

Услыхалъ котъ, побѣжалъ къ пѣтушку на выручку. Отнялъ его у лисы.

— Эхъ говоритъ: — не послушался ты меня пѣтушокъ... быть бы тебѣ лисой съѣдену, кабы я подальше зашелъ да тебя не услыхалъ.

Спустя немного, собрался котъ опять изъ дому, и говоритъ пѣтушку:

— Ну, смотри же ты пѣтушокъ! въ окошко не выглядывай, головки не высывай. Того и

гляди лиса утащить. А я уйду теперь далеко; и будешь кричать — не услышу.

Какъ ушелъ котъ, лиса опять къ пѣтушку, стала подъ окошко, говорить:

— Пѣтушокъ, пѣтушокъ, золотой гребешокъ, масляна головка, сметанный лобокъ! твои курочки на завалинкѣ пшеничку клюютъ, тебя пѣтушка зовутъ.

„Это ужъ не лиса меня зоветъ“, думаетъ пѣтушокъ: „можно выглянуть.“

И выглянулъ. А лиса схватила его и понесла къ себѣ.

Сталъ онъ кричать:

— Котинька! котикъ! несетъ меня лиса во дремучіе лѣса, за широкіе доли, за высокія горы, за быстрыя рѣки.

Кричалъ онъ, кричалъ, а кота не докричался; и несла его лиса по горамъ, да по доламъ, и принесла его къ себѣ въ избушку, въ темный лѣсъ.

Какъ воротился котъ домой, да увидалъ, что пѣтушка нѣтъ, взяло его горе.

— Эхъ, говорить: — пѣтушокъ, пѣтушокъ! сколько я наказывалъ тебѣ: „не выглядывай въ окошко!“ Такъ нѣтъ — опять-таки не послушался. Вотъ и попался теперь лисѣ въ зубы. Надо мнѣ тебя выручать идти. Хорошо еще, коль тебя лиса и съ косточками не съѣла.

Пошелъ котъ на базаръ, купилъ себѣ кафтанъ, красные сапожки, шапочку, сумку, саблю, гусельки, нарядился гусяромъ, и приходитъ къ лисей избушкѣ. Сталъ подъ окошкомъ, на гусяхъ заигралъ и запѣлъ:

— Стрень-брень, гусельки,

Золотыя струнушки!

За горами высокими,

За долами широкими,

За рѣками быстрыми,

Во лѣсу дремучіимъ,

Тамъ жила-была лиса

Во своемъ златомъ гнѣздѣ.

У лисы четыре дочери:

Одна-то дочь — Чучелка...

Было дѣло на масляницѣ, лиса блины пекла. Услыхала она пѣсню.

— Ахъ, говоритъ! — гусларъ прохожій! Да какъ складно поетъ! Поди-ка, Чучелка, вынеси ему блинокъ.

Понесла Чучелка коту блинокъ. Онъ блинъ-то въ ротъ, а ее саблей въ бокъ, да въ сумку.

А самъ опять на гусяхъ заигралъ, опять запѣлъ:

— Стрень-брень, гусельки,
Золотыя струнушки!
За горами высокими,
За долами широкими,
За рѣками быстрыми,
Во лѣсу дремучіимъ
Тамъ жила-была лиса
Во своемъ златомъ гнѣздѣ,
У лисы четыре дочери:
Одна-то дочь — Чучелка,
Другая — Пачучелка...

— Ахъ, говоритъ лиса: — въ жизнь мою этакого гуслара не слыхивала! Поди-ка, Пачучелка, вынеси ему еще блинокъ.

Понесла Пачучелка коту блинокъ. Онъ блинъ-то въ ротъ, а ее саблей въ бокъ, да въ сумку.

А самъ опять на гусяхъ заигралъ, опять запѣлъ:

— Стрень-брень, гусельки,
Золотыя струнушки!
За горами высокими,
За долами широкими,
За рѣками быстрыми,
Во лѣсу дремучимъ,
Тамъ жила-была лиса
Во своемъ златомъ гнѣздѣ.
У лисы четыре дочери:
Одна-то дочь — Чучелка,
Другая — Пачучелка,
А третья — Подай-Челнокъ...

— Ахъ, говоритъ лиса: — и тебя, Подай-Челнокъ, поминаетъ! Подика и ты, вынеси ему блинокъ.

Пошла Подай-Челнокъ, понесла коту блинокъ, онъ блинъ-то въ ротъ, а ее саблей въ бокъ, да въ сумку.

А самъ опять на гусяхъ заигралъ, опять запѣлъ:

— Стрень-брень, гусельки,
Золотыя струнушки!
За горами высокими,
За долами широкими,
За рѣками быстрыми,
Во лѣсу дремучимъ,
Тамъ жила-была лиса
Во своемъ златомъ гнѣздѣ.
У лисы четыре дочери:
Одна-то дочь — Чучелка,
Другая — Пачучелка,
А третья — Подай-Челнокъ,
А четверта — Подмети-Шестокъ.

— Вотъ ужъ гусярь такъ гусярь, говоритъ лиса: — знаетъ, какъ хозяевъ чествовать! Надо ему еще блинокъ дать. Поди-ка, Подмети-Шестокъ, вынеси.

Пошла Подмети-Шестокъ, понесла коту блинокъ.

Онъ блинъ-то въ ротъ, а ее саблей въ бокъ, да въ сумку.

Подождала-подождала лиса... гусярь пѣть пересталъ, а нейдутъ въ избу ни Чучелка, ни

Пачучелка, ни Подай-Челнокъ, ни Подмети-Шестокъ... Говорить она пѣтушку:

— Пѣтушокъ, пѣтушокъ, поди-ка, кликни ихъ что онѣ тамъ баклушничаютъ.

Какъ вышелъ пѣтушокъ да увидалъ кота, ужъ и ротъ было раскрылъ, хотѣлъ на радостяхъ „кукареку!“ закричать; да котъ ему не далъ крикнуть.

— Бѣги, говоритъ: — скорѣй отъ бѣды домой! И пустился пѣтушокъ, сколько было духу, по горамъ да по доламъ къ своему старому жилью.

Положилъ котъ гусельки въ сторону, прибодрился, пріосанился, пошелъ самъ къ лисѣ въ избушку.

Идетъ да поетъ:

— Идетъ котъ на ногахъ,
Въ красныхъ сапогахъ,
Несетъ саблю на плечѣ,
А сумочку при бедрѣ,
Хочетъ лису порубить,
Ея душу загубить.

Какъ слышала лиса эту пѣсню, метнулась-

было туда-сюда, да какъ разъ и попалась коту навстрѣчу. Какъ рубнулъ онъ ее сабелькой по головѣ—она и не визгнула.

Воротился котъ домой, а пѣтушокъ ужъ давно тамъ.

Вотъ, говорить котъ: — кабы слушался ты меня, пѣтушокъ, не было бы тебѣ никакого горя... Польстился на лисьи увертки: хорошо еще, что не зажарила тебя да не съѣла.

Пѣтушокъ крыльями захлопалъ, кричить:

— Кукареку! не буду... кукареку! не буду...

И стали они опять жить по прежнему — ладно и дружно.

БУЛАТЬ-МОЛОДЕЦЬ.

Быль-жилъ въ старые годы царь, по имени Ходоръ. У того царя былъ одинъ только сынъ, и звали его Иваномъ царевичемъ.

Какъ пришли отроческія лѣта царевича, отдалъ его царь Ходоръ славнымъ и могучимъ витязямъ въ науку, чтобы научили его всѣмъ хитростямъ воинскимъ.

А какъ сталъ Иванъ царевичъ на возрастѣ, началъ у батюшки своего царя Ходора проситься въ инья государства погулять, людей посмотреть и себя показать. Отпустилъ его царь Ходоръ и наказывалъ, показалъ бы онъ свою науку въ иныхъ государствахъ, прославилъ бы тѣмъ и себя, и царя.

Тогда пошелъ Иванъ царевичъ по конюшнямъ царскимъ и сталъ выбирать себѣ добраго коня. На котораго руку ни наложить, падетъ конь на колѣни: значить, ему, царевичу не годенъ. По всѣмъ стойламъ выходилъ царевичъ, а ни одинаго коня по себѣ выбрать не могъ.

И пошелъ онъ въ великой кручинѣ, взялъ свой тугой лукъ и каленыя стрѣлы, и вышелъ въ чистое поле грусть-тоску размыкать. Какъ вышелъ онъ въ чистое поле, видитъ — летитъ лебедь. Натянулъ онъ свой тугой лукъ, и пустилъ стрѣлу въ лебеда; только стрѣла въ лебеда не попала и изъ виду улетѣла.

Еще пуще закручинился царевичъ, что потерялъ стрѣлу свою любимую, сталъ ее искать, и искалъ по всему полю.

И подошелъ онъ къ каменной горѣ, и слышитъ голосъ человѣческій:

— Подъ сюда, Иванъ царевичъ!

Не мало тому царевичъ удивился, что голосъ слышитъ, а никого не видитъ.

Опять его зовутъ:

— Подь сюда, Иванъ царевичъ! /

Пошелъ онъ по тому голосу, и видитъ — въ горѣ оконце продѣлано и желѣзной рѣшеткой загорожено, а въ оконце человекъ глядитъ, и царевича къ себѣ рукой манитъ.

Пошелъ къ нему Иванъ царевичъ, и молвилъ ему тотъ человекъ:

— О чемъ ты, Иванъ царевичъ, кручинишься?

— Какъ мнѣ не кручиниться? отвѣчаетъ Иванъ царевичъ: — потерялъ я свою стрѣлу любимую, и не знаю, гдѣ найти ее, да есть у меня и еще кручина великая: не могу найти себѣ по мысли добраго коня богатырскаго,

— Эта бѣда невелика, сказалъ ему тотъ человекъ: — укажу я тебѣ добраго коня, и отдамъ калену стрѣлу. Вѣдь стрѣла твоя ко мнѣ залетѣла. Только чѣмъ ты мнѣ за то заплатишь?

— Все тебѣ отдамъ, что ни попросишь, говоритъ Иванъ царевичъ: — только достань ты мнѣ добраго коня, да отдай калену стрѣлу.

— Ничего я отъ тебя не хочу, отвѣчаетъ ему тотъ человекъ: — только выпусти меня отсюда.

— А кѣмъ ты засажень сюда?

— Засадилъ меня твой батюшка, царь Ходоръ. А былъ я славный разбойникъ, и зовутъ меня Булатомъ-молодцомъ. Прогнѣвался на меня царь Ходоръ, и велѣлъ меня поймать и засадить въ эту темницу. И вотъ сижу я тутъ ровно тридцать лѣтъ и три года.

— Слушай, Булатъ-молодецъ, говоритъ ему Иванъ царевичъ: — какъ я смѣю тебя выпустить безъ батюшкина приказанія? Прогнѣвлю я тѣмъ его.

— Этого не бойся, отвѣчаетъ ему Булатъ-молодецъ: — за это батюшка твой, царь, не прогнѣвается; только выпустишь ты меня отсюда, уйду я, въ инья государства — здѣсь и жить не буду.

Говоритъ ему Иванъ царевичъ:

— Ладно, Булатъ-молодецъ, выпущу я тебя, только отдай мою калену стрѣлу, да научи, гдѣ мнѣ добыть коня богатырскаго?

— Иди же ты въ чистое поле, говоритъ ему Булатъ-молодецъ: — увидишь ты въ чистомъ

полѣ три дуба, а подѣ тѣми дубами желѣзная дверь, съ кольцомъ, а подѣ тою желѣзною дверью стоитъ въ конюшнѣ добрый конь богатырскій за двѣнадцатю затворами, за двѣнадцатю замками желѣзными. Дверь ты подыми, замки отбей, затворы отвори, и будетъ у тебя добрый конь. Пріѣзжай на немъ ко мнѣ, возьми у меня свою калену стрѣлу, и меня выпусти.

Выслушалъ Иванъ царевичъ такія слова, и пошелъ въ чистое поле. Видитъ, стоятъ три дуба, а подѣ ними дверь желѣзная. Взялъ онъ дверь за кольцо и поднялъ, сшибъ двѣнадцать замковъ, отворилъ двѣнадцать затворовъ, вошелъ въ конюшню, и видитъ — стоитъ тамъ добрый конь и при немъ вся сбруя богатырская. Наложилъ Иванъ царевичъ руку свою на спину; конь не то, что пасть — и не погнулся. Только, какъ почувалъ по себѣ сѣдока, заржалъ громкимъ голосомъ.

Осѣдлалъ царевичъ коня, взялъ палицу боевую и мечъ-кладенецъ, сѣлъ въ сѣделечко черкасское, взялъ въ бѣлую руку шелковый поводъ:

захотѣлось ему добраго коня испытать. Ударилъ онъ его по крутымъ бедрамъ, и конь осердится, отъ земли отдѣляется, выше лѣсу стоячаго, пониже облака ходячаго, горы и доли межъ ногъ пускаетъ, мелкія рѣки хвостомъ устиляетъ, а глубокія челномъ переплываетъ.

Пріѣхалъ Иванъ царевичъ къ Булату-молодцу и возговорилъ громкимъ голосомъ:

— Отдай же мнѣ, Булатъ, мою калену стрѣлу, и тогда я тебя изъ темницы выпущу.

Отдалъ ему Булатъ-молодецъ калену стрѣлу, и Иванъ царевичъ его изъ темницы выпустилъ.

— Спасибо тебѣ, Иванъ царевичъ, говоритъ Булатъ-молодецъ: — что ты меня выручилъ. Сослужу я тебѣ за одну твою службу три службы въ тѣ поры, какъ будетъ тебѣ нужда. Когда я буду тебѣ надобенъ, молви только: „Гдѣ-то мой Булатъ-молодецъ?“ и тогда я мигомъ явлюсь, и буду тебѣ въ нуждѣ твоей слугою.

Вымолвилъ тѣ слова, крикнулъ Булатъ-молодецъ громкимъ голосомъ:

— Гей ты, сивка-бурка, вѣщая коурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой!

Отколь ни возмись, сталъ передъ Булатомъ-молодцомъ его добрый конь. Влѣзъ къ нему Булатъ-молодецъ въ одно ушко — напился, наѣлся, въ другое вылѣзъ такимъ молодцомъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ описать.

Сѣлъ Булатъ-молодецъ на коня, сказалъ: — Ну, прощай покамѣстъ, Иванъ царевичъ! И былъ таковъ.

Сѣлъ тогда и Иванъ царевичъ на своего коня богатырскаго, поѣхалъ къ батюшкѣ своему царю Ходору, въ послѣднее попрощался съ нимъ со слезами, взялъ съ собою дядьку своего, и отправился въ иныя государства.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли ѣхалъ Иванъ царевичъ со своимъ дядькой, только пріѣхали они въ темный лѣсъ.

День былъ жаркій, и захотѣлось Ивану царевичу напиться. Стали они по лѣсу ѣздить, искать водицы, и нашли глубокий колодезь ключевой воды.

И сказалъ Иванъ царевичъ дядькѣ:

— Полѣзай-ка ты въ колодець да достань воды, а я тебя за поясъ привяжу да подержу, чтобы тебѣ не упасть да не утонуть.

— Нѣтъ, Иванъ царевичъ, отвѣчаетъ ему дядька: — я тебя много тяжеле, и тебя ^{не} меня не сдержатъ. Спустишь-ка лучше самъ, а я тебя подержу.

Послушался Иванъ царевичъ дядьки и спустился въ колодець.

Какъ напился онъ водицы, велитъ дядькѣ тащить его изъ колодца; а дядька воръ говоритъ ему:

— Нѣтъ, Иванъ царевичъ, до тѣхъ поръ не вытащу тебя, покуда не обѣщаешь ты мнѣ своей руки письмо дать, что будешь мнѣ слуга, а я тебѣ господинъ, и что станешь ты называть меня Иваномъ царевичемъ, а я тебя своимъ дядькой. А не согласенъ ты на это, утоплю тебя въ колодцѣ.

— Дядька мой любезный, взмолился ему Иванъ царевичъ: — не топи ты меня: только вытащишь, дамъ тебѣ письмо, чтобы ты былъ моимъ государемъ, а я твоимъ слугой.

— Нѣтъ, не повѣрю я тебѣ на словѣ, говоритъ дядька: — а дай ты мнѣ присягу, что сдѣлаешь по моему.

— Богомъ тебѣ клянусь, говоритъ Иванъ царевичъ: — дамъ тебѣ письмо.

Вытащилъ дядька Ивана царевича, и взялъ Иванъ царевичъ листъ бумаги и написалъ ему письмо, а потомъ скинулъ съ себя царское платье и отдалъ дядькѣ, а дядькино платье самъ надѣлъ, и поѣхали оба въ путь-дорогу.

Дней черезъ нѣсколько прибыли они въ чужеземное государство. Правилъ тѣмъ государствомъ царь Пантуй. Какъ услыхалъ онъ о пріѣздѣ Ивана царевича, вышелъ на встрѣчу и принималъ дядьку замѣсто царевича, вводилъ его во палаты бѣлокаменные, сажалъ за столы дубовые. Пили они, ѣли и веселились.

И сталъ царь Пантуй дядьку спрашивать:
— Зачѣмъ ты, Иванъ царевичъ, въ мое государство пожаловалъ?

— Государь милостивый, царь Пантуй, отвѣчалъ ему дядька: — пріѣхалъ я въ царство твое

сватать дочь твою прекрасную царевну Царію.

И молвилъ ему царь Пантуѣ, что съ великою радостью готовъ отдать за него дочь свою царевну Царію.

И сказалъ царю Пантую между другими рѣчами ложный Иванъ царевичъ:

— Прикажи, великій царь Пантуѣ, слугу моего къ себѣ на кухню взять, въ черную работу отдать: не мало онъ мнѣ дорогою досадилъ.

И велѣлъ царь Пантуѣ опредѣлить Ивана царевича на кухню, а съ дядькою пилъ, ѣлъ и веселился.

Мало времени спустя подступило на царство Пантуево вражье войско — царство разорить, царя Пантуя въ полонъ захватить.

Призываетъ Пантуѣ ложнаго царевича къ себѣ, и говоритъ ему:

— Любезный мой нареченный зять, подступило ко мнѣ войско непріятельское. Не прогонишь ли ты его отъ моего государства?

Отвѣчаетъ ему дядька:

— Ладно, сдѣлаю я это, только ночью, а не днемъ: днемъ воевать мнѣ счастья нѣтъ.

Наступила ночь, и вышелъ ложный царевичъ на широкій дворъ, кликнулъ къ себѣ настоящаго царевича, и говорить ему:

— Не гнѣвайся на меня, Иванъ царевичъ, что заступилъ я мѣсто твое, позабудь все и послужи мнѣ службу — отгони прочь войско неприятельское.

Отвѣчалъ Иванъ царевичъ:

— Иди, ложись спать! утро вечера мудренѣе: все будетъ сдѣлано.

Пошелъ дядька спать, а Иванъ царевичъ кликнулъ громкимъ голосомъ:

— Гдѣ-то мой Булатъ-молодецъ?

А Булатъ и тутъ, какъ тутъ, спрашиваетъ:

— Какая тебѣ во мнѣ нужда? скорѣе сказывай!

Разсказалъ ему Иванъ царевичъ о своей нуждѣ, а Булатъ-молодецъ велѣлъ ему осѣдлатъ своего коня, и dospѣхи надѣть, самъ же кликнулъ громкимъ голосомъ:

— Гей ты, сивка-бурка, вѣщая коурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой!

Конь бѣжитъ, земля дрожитъ; изъ ушей дымъ столбомъ валить, изъ ноздрей полымя пышетъ. Прибѣжалъ сталъ передъ Булатомъ-молодцомъ.

Сѣлъ Булатъ-молodeцъ на своего коня, а Иванъ царевичъ на своего, и съ широкаго двора отправились въ чистое поле.

Какъ подѣхали витязи къ войску непріятельскому, молвилъ Булатъ-молodeцъ Ивану царевичу:

— Начинай ты бить войско съ праваго крыла, а я примусь бить его съ лѣваго.

Разѣхались они въ разныя стороны и напали на рать-силу непріятельскую. Мечами рубятъ, конями топчуть. И побили они въ одинъ часъ безъ малаго сто тысячъ человѣкъ; а король непріятельскій съ малымъ остаткомъ еле-еле убрался во свояси.

Вернулся Иванъ царевичъ во дворецъ къ царю Пантую, коня разсѣдлалъ, въ стойло поставилъ, далъ ему бѣлоярой пшеницы, съ Бу-

латомъ-молодцомъ простился, пошелъ на кухню и легъ себѣ спать.

По утру ранымъ-рано пошелъ царь Пантуй въ высокій свой теремъ — посмотрѣть въ ту сторону, гдѣ стояло войско непріятельское. Видитъ-войско побито, и приказалъ онъ просить къ себѣ ложнаго Ивана царевича, а когда тотъ пришелъ, сталъ его благодарить, что спасъ его, царя Пантуй, государство, одарилъ его дорогими подарками.

Не прошло двухъ недѣль, подступилъ къ Пантуеву царству тотъ же король — новое войско набралъ. Испугался царь Пантуй; снова призываетъ къ себѣ ложнаго царевича, и проситъ:

— Другъ ты мой, Иванъ царевичъ, избавь меня еще разъ отъ непріятеля, отгони прочь отъ государства моего вражье войско!

На то дядька опять царю Пантую отвѣчаетъ:

— Ладно: сдѣлаю, только ночью, а не днемъ: днемъ воевать мнѣ счастья нѣтъ.

И опять, какъ наступила ночь, вышелъ дядька на широкій дворъ, кликнулъ къ себѣ Ивана ца-

ревича — просить, чтобы зла не помнилъ, отслужилъ ему еще службу — отогналъ прочь войско непріятельское. Царевичъ, какъ и въ первый разъ было, послалъ дядьку спать, а самъ кликнулъ Булата-молодца. И поѣхали они опять на рать-силу непріятельскую. Разъѣхались въ разныя стороны; бьетъ Иванъ царевичъ вражье войско съ праваго крыла, Булатъ-молодецъ съ лѣваго; мечами рубятъ, конями топчутъ. И побили въ два часа безъ малаго двѣсти тысячъ человѣкъ, и опять непріятельскій король съ малымъ числомъ тягу далъ.

Тѣмъ однако же король не пронялся, набралъ новое войско и трехъ недѣль не прошло, въ третій разъ подступаетъ къ Пантуеву государству. Опять король ложнаго царевича просить, опять ложный истиннаго молить. Посылаетъ Иванъ царевичъ дядьку спать, самъ кличетъ Булата-молодца, и ѣдутъ противу рати-силы непріятельской. Заѣзжалъ Иванъ царевичъ съ праваго крыла, Булатъ-молодецъ съ лѣваго: мечами рубятъ, конями топчутъ, и по-

били войска, что смѣты нѣтъ, и самъ король иноплеменный головы не сносилъ.

И молвилъ Булатъ-молодецъ Ивану царевичу:
— Прощай, Иванъ царевичъ: теперь меня больше не увидишь: отслужилъ я тебѣ три службы обѣщанныя; поѣду въ далекія страны, во иныя государства.

Сѣлъ на коня и былъ таковъ.

А Иванъ царевичъ разсѣдлалъ и обрядилъ коня, пошелъ въ кухню и легъ спать.

Ранымъ-рано идетъ царь Пантуй, какъ въ первый и въ другой разъ, въ свой высокій теремъ. Смотрить: гдѣ войско непріятельское? а войско непріятельское все побито лежитъ. Посылаетъ онъ за нареченнымъ зятемъ своимъ, и говоритъ ему:

— Спасибо тебѣ, Иванъ царевичъ, за службу твою вѣрную. Пора намъ и свадьбу затѣвать.

Пошелъ во дворцѣ Пантуя царя пиръ горой. Сажали гостей за столы дубовые, за скатерти браныя, за яствы сахарныя, за питья медовыя,

жениха съ невѣстой на большое мѣсто, за почетный столъ. Пьютъ, ѣдятъ и веселятся.

Въ ту пору сталъ Иванъ царевичъ у повара проситься, пустиль бы его посмотрѣть, какъ государь его съ невѣстою своею царевною Царіей сидитъ.

Отпустилъ его поваръ, и пришелъ царевичъ въ царскія палаты; думаетъ: „хоть бы изъ-за людей мнѣ на дядьку своего взглянуть.“

Увидала тутъ Ивана царевича прекрасная царевна Царія, изъ-за стола выскочила, взяла Ивана царевича за бѣлыя руки, говоритъ батюшкѣ своему царю Пантую :

— Батюшка мой, царь Пантуй! вотъ мой женихъ. Какъ подступалъ подъ государство наше иновѣрный король, не спалось мнѣ всѣ три ночи, сидѣла я въ терему своемъ подъ окошечкомъ: видѣла, кто рать-силу непріятельскую билъ и рубилъ.

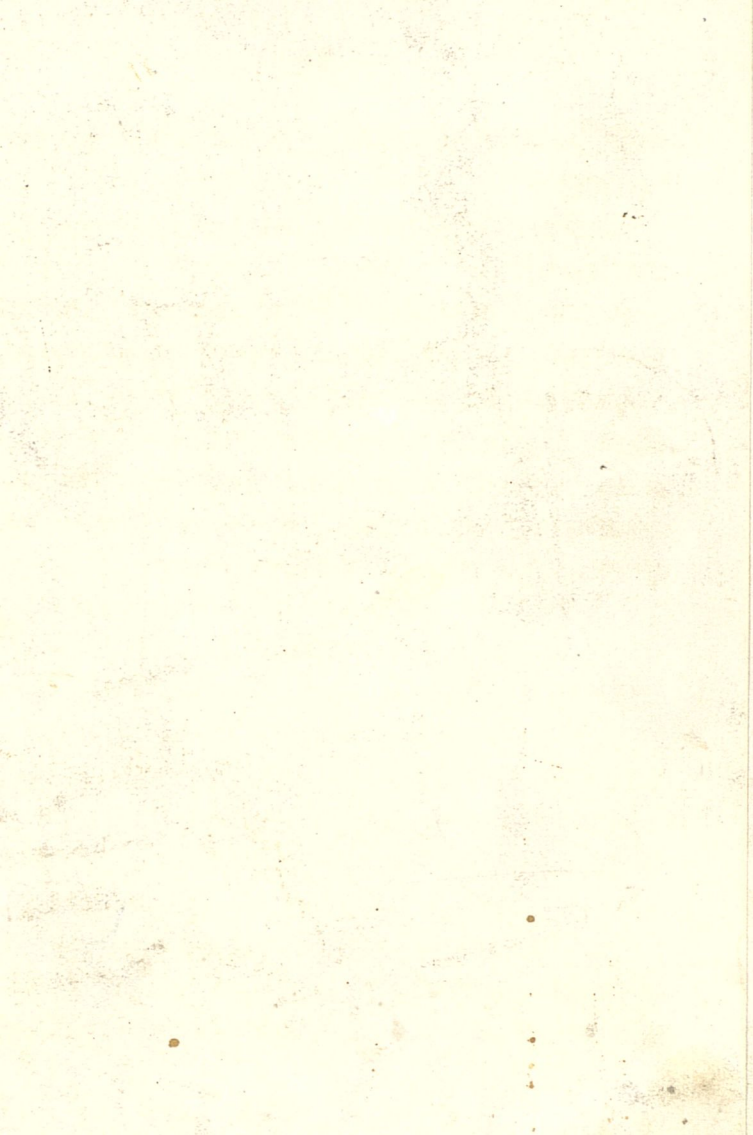
И все батюшкѣ царю рассказала.

Тогда одѣли царевича въ платье царское, посадили съ царевною Царіей въ большое мѣ-

сто, за почетный столъ. И пошелъ пиръ пуще прежняго.

Дядьку же вора велѣли на воротахъ разстрѣлять.

А какъ женился Иванъ царевичъ на прекрасной царевнѣ Царіи, повезъ ее въ свое государство, къ батюшкѣ своему царю Ходору. Царь Ходоръ на радости снялъ съ себя вѣнецъ царскій и на сына надѣлъ и все царство свое ему отдалъ. И сталъ Иванъ царствомъ править, Божье имя славить.

РУКАВИЦА.

Бхалъ путемъ-дорогой мужичокъ, потерялъ рукавицу, и лежитъ рукавица у дороги.

Летитъ мимо муха.

— Ахъ, говоритъ: — рукавица лежитъ! Время позднее, солнышко сѣло, залѣзть переночевать.

И залѣзла въ рукавицу.

Идетъ мимо мышь.

— Кто въ рукавицѣ?

— Я, муха — царица.

— Пусти переночевать!

— А ты кто?

— Мышь-пискарица.

— Полѣзай въ рукавицу!

Идетъ мимо заяцъ.

— Кто въ рукавицѣ?

— Я, муха-царица, да мышь-пискарица.

— Пустите переночевать!

— А ты кто?

— Заяцъ косой.

— Полѣзай въ рукавицу!

Идетъ мимо волкъ.

— Кто въ рукавицѣ?

— Я, муха-царица, да мышь-пискарица, да заяцъ косой.

— Пустите переночевать!

— А ты кто?

— Волкъ сѣдой.

— Полѣзай въ рукавицу!

Идетъ мимо медвѣдь.

— Кто въ рукавицѣ?

— Я, муха-царица, да мышь-пискарица, да заяцъ касой, да волкъ сѣдой.

— Пустите переночевать!

— А ты кто?

— Мишенька-медвѣдь.

— Полѣзай въ рукавицу!

И сидятъ въ рукавицѣ: муха-царица, да мышь-

пискарица, да заяць косою, да волкъ сѣдой, да мишенька-медвѣдь.

Бѣжить по дорогѣ пѣтухъ. Поровнялся съ рукавицей, вытянулъ шею, да какъ крикнетъ:
— Кукареку! кукареку! подъ нами земля горитъ!

Всѣ изъ рукавицы и повыскакали — какъ разъ въ пору: ночь прошла, и солнышко всходитъ.

КАКЪ ПОЩАСТЛИВИЛОСЬ ВОЛКУ.

Однажды утромъ, волкъ, лежа въ своей берлогѣ, сладко потягивался, а солнце такъ и обливало его своими лучами. Случилось, что мимо проходила лиса; она остановилась и сказала волку.

„Ты будешь сегодня очень счастливъ.“

— Отчего это, кума? спросилъ волкъ.

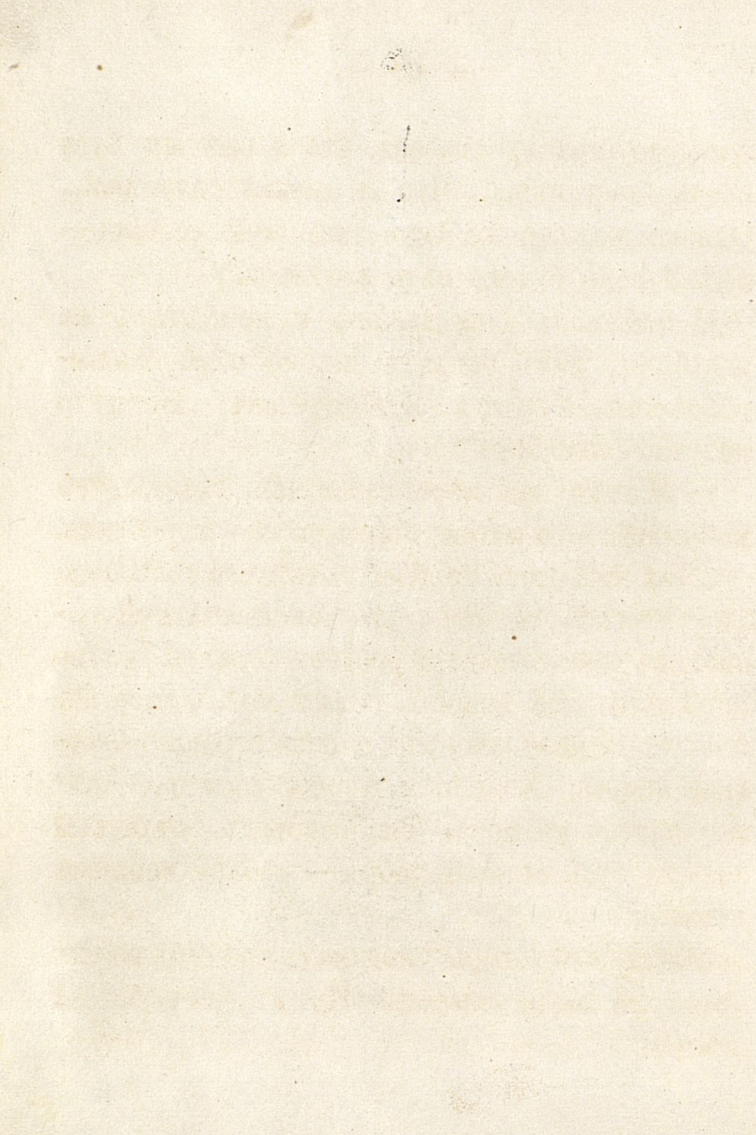
„Оттого“ отвѣчала лиса: „что на тебя прямо свѣтило солнце, когда ты потягивался.“

— А я сегодня никуда выходить не хотѣлъ, проговорилъ волкъ:—но если такъ, то ужь пойду.

И вотъ пустился онъ по лѣсу и наткнулся на двухъ воровъ, которые несли по огромному куску солонины. Увидавъ волка, они бросили солонину и давай Богъ ноги!

Волкъ обнюхалъ добычу и промолвилъ: „А

линка-то правду сказала, что я сегодня буду очень счастливъ.... Что за дивная солонина!... Однако же, кто же ѣсть такъ рано соленое — цѣлый день будетъ пить хотѣться.“

И побѣжалъ онъ дальше и прибѣжалъ на пастбище. Тамъ увидалъ онъ кобылицу съ жеребенкомъ. Увидалъ да и подумалъ: „Вотъ это лучше солонины!“

— Я сего дня очень счастливъ, сказалъ онъ кобылицѣ: — а потому съѣмъ твоего жеребенка. „Это мнѣ очень пріятно“, отвѣчала кобылица: „и я считаю за честь, что такой знатный господинъ хочетъ моего жеребенка скушать. Только прежде, сдѣлай милость, окажи мнѣ услугу. Въ правую заднюю ногу мнѣ попала страшно-большая заноза. Ходила я и туда и сюда, — никто помочь не могъ. Ты, говорятъ, отличный лекарь: будь же такъ добръ — избавь меня отъ мученія.“

„Отличный лекарь!“ подумалъ про себя волкъ: „это для меня новость! Но къ чему бы ей лгать?...“

— Ну, покажи поближе, сказалъ онъ кобылицѣ. Та подняла ногу, а онъ принялся ее разсматривать; только того и ждала кобылица: ударила волка ногой въ голову, такъ что онъ упалъ безъ памяти, и убѣжала со своимъ же-ребенкомъ.

Когда волкъ пришелъ въ себя, стало ему досадно, что его кобылица обманула.... „А кто велѣлъ тебѣ выдавать себя за отличнаго лекаря,“ проговорилъ онъ, подумавъ: „когда ты вовсе лечить не умѣешь?...“ Ощупалъ онъ свою голову и промолвилъ: „цѣла! слава Богу! нигдѣ не прошибена.... Однако же лиса сказала, что я сегодня буду счастливъ: подожду, авось будетъ удача!“

Но голодъ бралъ свое: волку захотѣлось ѣсть и побѣжалъ онъ дальше и прибѣжалъ онъ къ мельницѣ. Тамъ увидалъ онъ свинью съ поросятами.

„Вотъ гдѣ лакомый-то кусочекъ!“ подумалъ онъ про себя и обратился къ свинѣ съ такою рѣчью: „Голубушка хавронюшка, я сегодня

такъ счастливъ, что съѣмъ твоего поросенка.“

— Мнѣ это очень пріятно, отвѣчала ему свинья: — и я почту себѣ за честь, если такой знатный господинъ скушаетъ моего лучшаго поросенка. Но обожди немножко: посмотри какой поросенокъ замаранный и грязный; я его сперва вымою: неприлично такому важному господину ѣсть грязнаго поросенка.

„Важный господинъ!“ подумалъ про себя волкъ: „этого я тоже не зналъ.... Но если свинья говорить, значитъ, я и въ самомъ дѣлѣ важный!“

— Ну, вымой его! сказалъ онъ свиньѣ, а самъ уѣхалъ на бережку. Свинья бросилась съ поросятами въ рѣку и поплыла къ мельницѣ; не успѣлъ волкъ оглянуться, какъ она уже исчезла.

Досадно стало волку, что свинья его обманула.... „А кто велѣлъ тебѣ считать себя за важнаго господина,“ подумалъ онъ: „когда ты вовсе не господинъ!... Вотъ тебя и надула свинья — такое глупое животное...“

Волкъ ужь сильно проголодался,, однако же

сказалъ: „Попощусь еще немного: вѣдь лиса сказала, что я буду сегодня счастливъ — авось будетъ удача!“

И пошелъ онъ дальше, и пришелъ на поле. Тамъ видить — два козла дерутся. „Козлятина!“ подумалъ волкъ: „не совсѣмъ-то я до нея охотникъ, но голодъ — врагъ нашъ.“

— Послушайте-ка, сказалъ онъ козламъ: — я сегодня очень счастливъ и потому одного изъ васъ съѣмъ.

„Намъ это очень пріятно“, отвѣчали козлы, „и мы сочтемъ за честь, если такой важный господинъ скушаетъ которагонибудь изъ насъ. Но прежде сдѣлай намъ одолженіе: мы слышали, ты хорошо законы знаешь. У насъ идетъ страшный споръ объ этомъ полѣ; ходили мы на судъ и туда и сюда, — нигдѣ нѣтъ правды. Будь такъ добръ — рѣши, кому должно принадлежать поле? Садись здѣсь, на серединѣ, а мы отойдемъ на два разныхъ конца; кто первый къ тебѣ подбѣжитъ, тотъ и выиграетъ. Такимъ образомъ мы хоть передъ смертию узна-

емъ — кому изъ насъ принадлежитъ поле.“

Волкъ очень охотно съѣлъ бы одного изъ, козловъ тутъ же, на мѣстѣ, но козлы говорятъ что онъ хорошо законы знаетъ. „И это для меня новость!“ подумалъ онъ: „только, если они такъ говорятъ, такъ, должно быть, правда!“

— Ладно! сказалъ онъ козламъ, а самъ усѣлся, важно какъ судья, посреди поля. Отошли козлы въ разныя стороны, да оттуда такъ разбѣжались на волка и такъ пырнули его рогами, что онъ чуть духъ не выпустилъ.

Долго онъ не могъ собраться съ силами, а когда опомнился, стало ему досадно, что его такъ козлы обманули. „А кто тебѣ велѣлъ себя за законника выдавать,“ подумалъ онъ: „когда ты ни одного закона не знаешь?...“

А голодъ ему покоя не даетъ.

„Пойду дальше“, проговорилъ онъ: „Не даромъ же лиса сказала, что будетъ мнѣ сегодня большая удача; ужъ вѣрно случится чтонибудь хорошее.“

И поплелся онъ дальше и пришелъ на боль-

шой лугъ. Видить — цѣлое стадо овецъ и ни одного пастуха при нихъ, ни одной собаки.

„Ладно!“ подумалъ онъ въ радости и сказалъ овцамъ: — Милыя мои, я сегодня такъ счастливъ, что съѣмъ одну изъ васъ.

„Намъ это очень пріятно“, отвѣчали овцы: „и мы за честь почтемъ, если такой важный господинъ скушаетъ одну изъ насъ. Но прежде докажи намъ дружбу, сдѣлай одолженіе: мы слышали — ты хорошо поешь, а у насъ запѣвалы нѣтъ; недавно умеръ отличнѣйшій баранъ! Ходили мы и туда и сюда, но нигдѣ не нашли хорошаго пѣвуна. Будь же такъ добръ — помоги въ нуждѣ!“

А голодъ, между тѣмъ, все больше и больше мучить волка.

„Хорошо пою!“ подумалъ онъ: „однако же этого таланта я тоже за собой не зналъ.... Но если овцы говорятъ, значить, и точно пѣвецъ!“

— Ну, слушайте! сказалъ онъ имъ и взлѣзъ

на шалашъ овчаря, и сталъ бить тактъ, съ важною размахивая ногой. Овцы принялись блеять изо всей мочи, все громче и громче, волкъ тоже ревѣлъ изо всего своего волчьяго горла. На этотъ оглушительный концертъ сбѣжалась вся деревня, всѣ собаки. Волкъ ничего не видитъ и не слышитъ, какъ вдругъ его сзади кто-то такъ сильно пихнулъ, что онъ слѣтель съ шалаша. И начали собаки теревить его, а люди бить, чѣмъ попало — дубинами, палками, вилами, и били его и кололи такъ, что онъ едва улизнулъ въ лѣсъ. Прилежъ онъ тамъ подъ деревцо, лежитъ и стонетъ. Досадно ему, что и овцы-то его обманули. „А кто тебѣ велѣлъ выдавать себя за отличнаго пѣвца,“ проговорилъ онъ самъ себѣ: „когда ты и рта открыть не умѣешь?.. Вотъ тебя и надули овцы — самыя глупыя животныя!“

А голодъ все мучить его.

„Э!“ подумалъ онъ : „да вѣдь у меня солонинка есть! ужинъ хорошій!“

И поковылялъ онъ къ тому мѣсту, гдѣ ут-

ромъ наткнулся на двухъ воровъ; но солонины
уже тамъ нѣтъ.

Кто же съѣлъ ее?

Лиса — кума.

ПРОВОРНАЯ ЛЯГУШКА.

Пришла однажды лиса къ пруду — водицы напиться. А тамъ сидитъ огромная лягушка, да такъ и квакаетъ.

„Прочь, а не то проглочу!“ говоритъ ей лиска.

— Не гордись, отвѣчаетъ лягушка:—я попрытче тебя.

Засмѣялась лиска.

А лягушка все свое твердитъ.

„Ну, побѣжимъ въ городъ“, говоритъ лиска: „и увидимъ, чья правда.“

Лиска повернулась, а лягушка скокъ ей на пушистый хвостъ.

Прибѣжала лиска къ городскимъ воротамъ и смотритъ, нейдетъ ли лягушка, а лягушка

прыгъ съ хвоста. Лиска лягушки не увидала и хотѣла дальше бѣжать, а лягушка и давай кричать:

Наконецъ-то и ты пришла! А я собиралась было домой идти: вѣдь я думала, что ты и со-
всѣмъ не придешь.

ТРИ КОЗЫ И ВОЛКЪ.

Три козы пошли въ рощу травки пощипать. У первой былъ одинъ животикъ, у второй — два, а у третьей — три. Коза съ однимъ животикомъ наѣлась первая и пошла домой, а на краю дороги лежитъ волкъ.

И говоритъ онъ козѣ: „бѣги, а не то съѣмъ тебя!“

— Не ѣшь меня, говоритъ она: — сейчасъ пойдетъ коза съ двумя животиками: та посытнѣе меня.

Идетъ коза съ двумя животиками.

И говоритъ [ей] волкъ: „бѣги, а не то съѣмъ тебя!“

— Не ѣшь меня, отвѣчала она: — сейчасъ

пойдетъ коза съ тремя животиками: она по-
сытнѣе меня.

Идетъ коза съ тремя животиками.

И говоритъ ей волкъ: „бѣги, а не то съѣмъ
тебя!“

А коза такъ его боднула, что онъ свалился
съ края дороги въ глубокую яму.

КОМУ ГОРЕ, КОМУ СМѢХЪ.

Три добрыхъ пріятеля — уголекъ, пузырекъ и соломинка шли вмѣстѣ на чужую, дальнюю сторону. Долго шли они и видятъ на дорогѣ лошадиный слѣдъ отъ копыта, наполненный дождевою водою. И призадумались пріятели — какъ переправиться черезъ это море — океанъ? Наконецъ рѣшили такъ: соломинка поперекъ ляжетъ, а другіе по ней море перейдутъ.

Пошелъ уголекъ впередъ и дошелъ до половины соломинки, захотѣлъ назадъ оглянуться, а соломинка зажглась и оба потонули.

Пузырекъ — ему все было смѣшно — началъ смѣяться, такъ что лопнулъ.

Все это видѣлъ камешекъ.

„Да“, промолвилъ онъ: „кому горе, кому смѣхъ!“

Но иногда и хохотунамъ плохо приходится.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

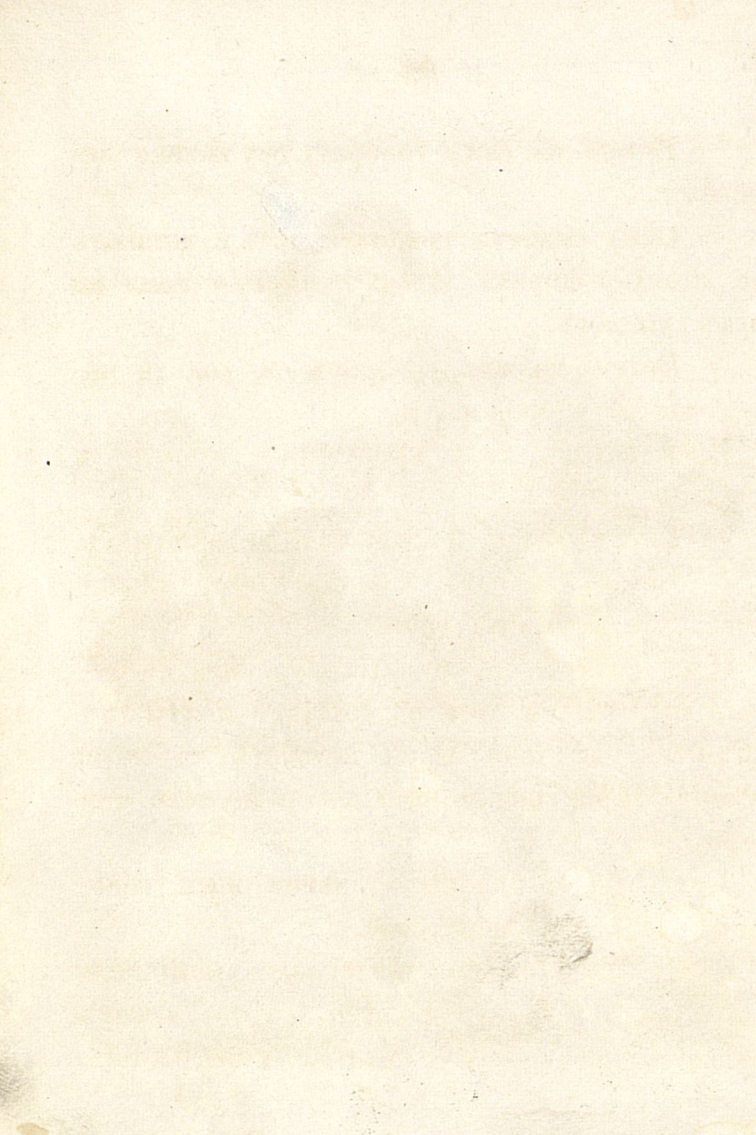
Въ славномъ городѣ Муромѣ, въ селѣ Карачаровѣ жилъ крестьянинъ Иванъ Тимофѣевичъ. У него было любимое дѣтище — Илья Муромецъ. Тридцать лѣтъ, отъ самаго рожденія, сидѣлъ Илья сиднемъ, не двигался, не владѣлъ ни руками, ни ногами.

Приходятъ къ нему двое каликъ перехожіихъ (*) стали они подъ окошечко косящатое и просятъ милостыни.

— Нищія братія, говоритъ Илья: — войдите ко мнѣ въ избѣ; есть у насъ всего много, а подать вамъ некому.

(*) Каликами перехожими у насъ въ народѣ называются нищіе, просящіе милостыню пѣніемъ псалмовъ и духовныхъ пѣсенъ; большею частію они немощные старики, часто слѣпцы; иногда народная фантазія придаетъ имъ чудодѣйственную силу.

— Встань-ка самъ, говорятъ ему калики перехожіе.

— Сижу сиднемъ тридцать лѣтъ и вставать не стану, говоритъ Илья: — нѣтъ у меня ни рукъ, ни ногъ.

— Встань-ка самъ, говорятъ ему калики перехожіе во второй разъ.

Илья сидитъ, силу пробуетъ и въ отвѣтъ держитъ рѣчь:

— Всталъ бы я, и сила есть, да ногъ нѣтъ.

— Встань-ка самъ, говорятъ ему калики перехожіе въ третій разъ.

Илья сидитъ, силу пробуетъ: тронетъ ногу — нога подымается; тронетъ другую — другая поднимается; и сталъ Илья вставать на ноги; встаетъ Илья, подымается, посреди пола становится.

— Сходи за пивомъ да напои насъ, говорятъ ему калики перехожіе.

Взялъ Илья братину (чашу) великую, пошелъ въ подвалы глубокіе, налилъ братину пивомъ крѣпкимъ, подноситъ ее каликамъ перехожимъ.

— Выпей-ка самъ, въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе.

Хватилъ Илья братину за-разъ. Только и видѣли пиво.

— Сходи-ка за пивомъ, да напои насъ, говорятъ ему калики перехожіе во второй разъ.

Взялъ Илья братину больше прежняго, пошелъ во подвалы глубокіе, опускался ниже того, наливалъ братину пивомъ крѣпче того, подноситъ ее каликамъ перехожіимъ.

— Выпей-ка самъ, въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе.

Хватилъ Илья братину за-разъ. Только и видѣли пиво.

— Слышишь ли силу свою? спрашиваютъ его калики перехожіе.

— Слышу, молвить Илья.

— Какъ велика твоя сила?

— Кабы былъ столбъ отъ земли до неба, я перевернулъ бы всю землю.

Стали промежъ себя калики говорить:

— Много дано силы Ильѣ, земля не снесетъ; поубавимъ силы.

— Сходи-ка за пивомъ, да напои насъ, говорятъ ему калики перехожіе въ третій разъ.

Взялъ Илья братину больше того, пошелъ въ подвалы глубокіе, опускался ниже того, налилъ братину пивомъ крѣпче того, подноситъ ее каликамъ перехожіимъ.

— Выпей-ка самъ, въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе.

Хватилъ Илья братину за-разъ. Только и видѣли пиво.

— Слышишь ли силу свою? спрашиваютъ его калики перехожіе.

— Поубавилось силы какъ-бы на седьмую часть.

Стали калики промежь себя говорить: — Будетъ съ него.

И прощались съ Ильей калики прохожіе. Сталъ Илья теперь на ногахъ крѣпко и ощутилъ въ себѣ силу великую; сдѣлалъ себѣ сбрую ратную

и копье булатное, осѣдлалъ коня добраго богатырскаго.

То не дубъ сырой къ землѣ клонится, растилается сынъ передъ батюшкой, передъ матушкой, просить у нихъ благословенія.

— Государи мои, батюшка и матушка, отпустите меня въ славный городъ Кіевъ Богу помолиться, князю Кіевскому поклониться. Отецъ и мать даютъ ему благословеніе, кладутъ на него заклѣтіе великое и говорятъ ему такія рѣчи:

— Поѣзжай ты прямо на Кіевъ-градъ, прямо на Черниговъ-градъ, поѣдешь ты путемъ и дорогою — не проливай по напрасну крови христіанской, не помысли зломъ и на татарина.

Илья Муромецъ Богу молился, съ отцомъ, съ матерью попрощался и поѣхалъ въ путь свой.

Подъѣзжаетъ онъ къ Чернигову-граду; а подъ нимъ стоятъ рати басурманскія (*), и числа имъ нѣтъ; осадили они Черниговъ-градъ, хотятъ его вырубить, Божіи церкви на дымъ пустить, а са-

*) Т. е. войска Печенѣговъ или Половцевъ

мага князя и воеводу Черниговскаго живаго въ полонъ взять. Разгорѣлось сердце богатырское нуще огонька.

— Не хотѣлось бы батюшкѣ супротивникомъ быть, говоритъ Илья Муромецъ: — да нельзя христіанъ въ обиду дать.

Положился Илья на Господа Бога своего, взялъ въ руки конье булатное, побилъ всю силу басурманскую, полонилъ царевича и ведетъ его въ Черниговъ-градъ. Встрѣчаютъ его граждане съ честью, благодареніе Богу возсылаютъ; самъ князь и воевода Черниговскій взялъ Илью въ палаты свои, угостилъ его пиромъ великимъ и отпустилъ въ путь.

Илья Муромецъ поѣхалъ къ Кіеву прямою дорогою отъ Чернигова; ровно тридцать лѣтъ заложилъ ее Соловей-разбойникъ — не пропускаетъ ни коннаго, ни пѣшаго, убиваетъ не оружіемъ, а своимъ свистомъ разбойничьимъ. Поѣхалъ Илья лѣсами Брынскими. Услыхалъ Соловей богатырскій топъ, засвисталъ своимъ свистомъ разбойничьимъ; но богатырское сердце

не устрашилось. Не допуская еще за десять версть, Соловей засвисталъ громче прежняго. Съ того свисту добрый конь подъ Ильей спотыкнулся. Подъѣхалъ однако Илья Муромецъ подъ самое гнѣздо, что свито на двѣнадцати дубахъ. Соловей-разбойникъ, на гнѣздѣ сидя, увидалъ Илью и засвисталъ во весь свистъ—захотѣлъ Соловей Илью Муромца убить до-смерти.

Илья Муромецъ снялъ съ себя тугой лукъ, наложилъ калену стрѣлу и пустилъ въ гнѣздо Соловьиное, попалъ ему въ правый глазъ и вышибъ вонъ; Соловей-разбойникъ упалъ съ гнѣзда на сыру землю, что овсяный снопъ. Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки, привязалъ его крѣпко къ стремени булатному и поѣхалъ къ славному граду Кіеву. На пути стоятъ палаты Соловья-разбойника; какъ поравнялся Илья противъ палатъ разбойническихъ, у которыхъ окна были растворены, и въ тѣ окна смотрѣли три разбойничьи дочери,—увидѣла Муромца меньшая дочь и закричала своимъ сестрамъ:

— Вотъ нашъ батюшка ѣдетъ съ добычею и везетъ мужика, у булатнаго стремени привязаннаго.

А большая дочь посмотрѣла и горько заплакала.

— Это не батюшка нашъ ѣдетъ, молвила она, это ѣдетъ чужой человѣкъ и везетъ нашего батюшку, у булатнаго стремени привязаннаго.

Закричали разбойничьи дочери мужьямъ своимъ:

— Мужья наши милые, поѣзжайте къ мужику на встрѣчу, отбейте у него батюшку, не кладите нашъ родъ въ такомъ позорѣ.

Мужья ихъ, сильные богатыри, поѣхали противъ свѣто-русскаго богатыря; кони у нихъ добрые, копыя острыя, — и хотятъ они Илью на копыяхъ поднять. Увидалъ ихъ Соловей-разбойникъ.

— Зятя мои милые, сталъ онъ говорить: — не позортесь и не дразните такого сильнаго богатыря, чтобы всѣмъ вамъ не принять отъ

него смерти; зовите вы его за столы дубовые, да подносите ему меду сладкаго.

По просьбѣ зятей поворотилъ Илья въ домъ, не вѣдая ихъ злобы. Большая дочь подняла желѣзную на цѣпяхъ подворотню, чтобъ его пришибить. Но Илья усмотрѣлъ ее на воротахъ, ударилъ кошиемъ и ушибъ досмерти.

Пріѣхалъ Илья Муромецъ въ Кіевъ-градъ, вѣзжаетъ прямо на княжескій дворъ, соскочилъ съ добраго коня, привязалъ его къ дубовому столбу, пошелъ въ гридню (комнату) свѣтлую, чуднымъ образамъ молился, князю Владиміру поклонился, а послѣ на всѣ четыре стороны. Въ то время было у князя Владиміра пированіе великое; принялъ онъ Илью за руки бѣлыя, а самъ говоритъ:

Гой еси ты, добрый молодецъ, какъ твое имя, и коего ты града?

— Зовутъ меня Ильей, по отчеству Ивановъ сынъ, уроженецъ града Муромъ.

— Которою дорогою ѣхалъ ты изъ Муромъ?

— На Черниговъ-градъ, и подь Черниго-

вомъ побилъ войска басурманскія, что и смѣты нѣтъ, и очистилъ Черниговъ градъ; оттуда поѣхалъ прямою дорогою и взялъ сильнаго богатыря Соловья-разбойника и привелъ его съ собою, у булатнаго стремени привязаннаго.

Князь осердясь сказалъ:

— Что ты обманываешь?

А Илья Муромецъ выглянулъ въ оконце и приказалъ Соловью въ полсвиста засвистать, а Соловей-Разбойникъ свиснулъ во весь голосъ разбойничій; у палаты своды потряслися, а ветхія хоромы и совсѣмъ повалились. У князя Владиміра кресла подломились, всѣ богатыри его на землю попадали, — одинъ устоялъ Илья Муромецъ. Возговорилъ Владиміръ князь:

— Охъ ты гой еси, Илья Муромецъ, уйми ты Соловья-разбойника, эта штука намъ не надобна.

Пошелъ Илья на княжескій дворъ, взялъ разбойника за воротъ, кинулъ выше дерева стоячаго, чуть пониже облака ходячаго. Расшибъ

Соловей всѣ свои косточки. Князь Владиміръ весель сталъ.

— Послужи, говоритъ, ты мнѣ, Илья Муромецъ вѣрою и правдою и покажи свою силу богатырскую.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Мужикъ, медвѣдь и лиса	3.
Козленочекъ	7.
Лиса-Патрикѣевна	15.
Три зятя	30.
Котъ и пѣтушокъ	38.
Булатъ-молодецъ	48.
Рукавица	65.
Какъ посчастливилось волку	68.
Проворная лягушка	77.
Три козы и волкъ	79.
Кому горе, кому смѣхъ	81.
Илья Муромецъ	82.

ОТДЕЛЕНИЕ

60	Мухомор
61	Мухомор
62	Мухомор
63	Мухомор
64	Мухомор
65	Мухомор
66	Мухомор
67	Мухомор
68	Мухомор
69	Мухомор
70	Мухомор
71	Мухомор
72	Мухомор
73	Мухомор
74	Мухомор
75	Мухомор
76	Мухомор
77	Мухомор
78	Мухомор
79	Мухомор
80	Мухомор
81	Мухомор
82	Мухомор

Дозволено Ленину 22 ноября 1936 г.

print
TM

2007066994